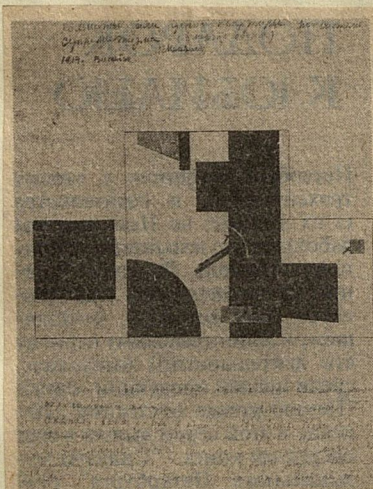

Первый фестиваль перформанса имени Казимира Малевича
Центр "Дом", 23-25 февраля

Организаторы фестиваля не преминули воспользоваться тем, что в этом году дата рождения автора "Черного квадрата" совпала с масленицей. Что идеально вписалось и в творческую концепцию "Дома" (работающего, напомним, под крышей Московского дома самодеятельного творчества): соединение всевозможного фольклора - доисторического (обряд проводов зимы), исторического (народные песни) и современного (от самодеятельного духового оркестра до анекдота в форме баек куратора "Дома" Виталия Пацюкова) с художественным авангардом - в основном, мульти-медиа во всех их проявлениях. Между прочим, все это предсказывал и сам создатель супрематизма, когда говорил о роли "примитива" в "новых системах искусства".

Музыкальное искусство на фестивале определенно занимало, пожалуй, гораздо большую роль, чем на исторической акции 1915 года под конструктивистским названием "0.10" (где Малевич впервые выставил свой Черный квадрат) и вообще в практике первой волны российского авангарда, которая, по большому счету, ничем кроме оперы "Победа над солнцем" похвастать не могла. Фестиваль в "Доме" скорее отражал структуру и роль звукового компонента в конспиративных перформансах "Медгерменевтики" или "Коллективных действий" эпохи советского андерграунда.

Из первого дня, с танцами под духовой оркестр, голосистым пением фольклорного ансамбля "Народный праздник", с ряжеными в реконструированных костюмах эпохи русского кубофутуризма и задачей квадратно нарезанных блинов, запомнился только новоджазовый "Круглый бэнд" саксофониста Алексея Круглова, адекватно озвучивший немую ленту "Барыш-

ня и хулиган" (ту, где снялся Владимир Маяковский). Похоже, однако, что больше всего заинтриговал интересующихся эксперимент Асмира (Андрея Смирнова), вовремя перенесшего на нашу почву эксперименты американца Дэвида Розенбума по управлению звуковыми компьютерными файлами электрическими импульсами, извлекаемыми непосредственно из работающего головного мозга. В качестве подопытного кролика выступил Сергей Летов - чуть ли единственный участник перформансов эпохи застоя (другой - известный переводчик Сергей Ромашко присутствовал только как наблюдатель). Летова концептуально "препарировали" две "медсестры" (смешно сказать, но действительно сестры - Яна и Лана Аксеновы).

Энцефалограммы в ноутбуке "хирурга" Смирнова выглядели весьма внушительно, да и Летов уверял, что нащупал причинно-следственную связь между собственными ощущениями и изменениями в характере звучаний и уже почти готов ими управлять.

Второй день, противопоставленный первому, "фольклорному", был предусмотрительно назван "академия". И в самом деле было меньше сутолоки и больше "структурированных" звуков - то есть собственно перформансов, а не хэппенингов, если следовать общемировой терминологии. Хотя никаких премьер по большому счету академическая аудитория не дождалась, новым можно считать уже то, что известные сочинения были вписаны в "малевичевский"

венной (впрочем, предельно трудной) вещи удовлетворило самого автора, но зато в ней была та стихия раннего арт-рока - Кита Эмерсона или Рика Уэйкмана, которой обычно не хватает академическим интерпретаторам музыки Мартынова.

Центральным и - по большому счету - единственным по-настоящему отвечающим фестивальной программе был перформанс "Кубомир и Супремзвук". Марк Пекарский и композитор Сергей Загний в конструктивистских костюмах Анны Колейчук (а ля "самурай", но с квадратом и кругом с авторской обложки Малевича к "Новым системам в искусстве") сидели друг напротив друга и сосредоточенно подбрасывали соответственно кубики и шарики на маленьких подносах. Их стуки и удары подзвучивались сильной реверберацией; в результате из самых "примитивных" фигур как бы высвобождалась потенциально заключенная в них "шумовая музыка", явно заинтриговавшая публику.

Дуэт Вячеслава Колейчука (квадратный по случаю фестиваля оваллоид, то есть лист железа, вибрирующий от соприкосновения с обычным смычком) и Бориса Стучебрюкова (хитроумные инженерные объекты) должен был быть квинтетом - с академическими музыкантами Марком Белодубровским и Сергеем Осолковским, хранителями витебских традиций Шагала - Малевича, но они не прибыли. Впрочем, их отсутствие компенсировал дуэт хомусистов из Якутии - снова скачок из древности в совре-

предназначающееся к сжиганию чучело. Его протаскивали по снегу, освободили от оболочки, которую весьма концептуально тут же сожгли.

В общем, как все знают по собственному опыту, даже тот первый блин, что комом, часто бывает и самым вкусным, только его не подают гостям, а съедают тут же сами.

Впрочем, своего рода репетицией фестиваля и перформансом в полном смысле этого слова стала презентация книги "Душа и навыки" Максима Скворцова. Скворцов - музыкальный обозреватель приложения "Ex Libris" "Независимой газеты", участник и организатор нескольких альтернативных музыкальных коллективов, в том числе и упомянутого выше Е69. Коллеги Скворцова - известные литераторы Ирина Шестовская, Владимир Никритин, Герман Лукомников и Илья Кукулин самостоятельно выбрали эпизоды из трех романов Скворцова, вошедших в книгу. И декламировали их под аккомпанемент автора и группы Е69. Многочисленные музыкальные аллюзии - от Шостаковича, Шнитке и Губайдулиной до "Другого оркестра" (группы самого Скворцова) вплетались в типично альтернативный поток постиндустриального звукового пейзажа. Грамотно подобранный реквизит (пишущая машинка, загадочно скрытая покрывалом), геометрический видеоколлаж Яны Аксеновой - на одной стене, проекция декламируемых текстов прямо с экрана компьютера - на другой. Если бы все (за исключением Мак-

ВЕСЬМА МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Рос. муз. газета. - 2001. - № 3-4

контекст. В частности, мелодекламация "Появление героя" Владимира Мартынова для ансамбля ударных и чтеца. По музыке типично минималистское "Появление героя" Мартынова делает перформансом в буквальном смысле слова появление Героя - поэта Льва Рубинштейна, декламирующего свои максимы. Хотя нежные колокольчики Марка Пекарского из-за не очень отстроенных инструментов звучали гораздо грубее, чем должны бы, благодаря всеобщей эйфории появление Героя не прошло незамеченным.

Впрочем, внимательно слушали также, как сам маэстро Мартынов играл свой "Народный танец" (еще одно подтверждение концепции происхождения "новой системы" из ритуального "примитива"). Кажется, не все в исполнении собст-

венность. Зато старательно выполнила домашнее задание на тему "черного квадрата" Наталья Фиксель (хореография под старое электронное сочинение Владимира Николаева и под видео Анны Колейчук - шахматную доску в искривленном, как радуга у Терри Райли, воздухе). А также - группа Е69, демонстрировавшая "повсеместное отсутствие": анархический панк-джаз сопровождался видеосъемкой музыкантов (Кости Алжера и Яны Аксеновой), прячущихся за черным квадратом - или лучше сказать, в черном квадрате. Наконец, на третий день было достигнуто полное слияние ритуала и мульти-медиа во всех смыслах слова. Отнюдь не ритуально обновленный Герман Виноградов под обрядовое пение крестьянок из "Народного праздника" изображал

сима Горелика) литераторы, явно не имевшие достаточного опыта публичной (мело)декламации, не превратили перформанс в истеричный хэппенинг, презентацию книги Скворцова вполне можно было бы считать не репетицией, а прологом к трем дням Малевича. Впрочем, семейному кругу авангардистов-затейников на презентации тоже было довольно весело, почти как в классическую эпоху советского андерграунда и на первом фестивале перформанса имени Казимира Севериновича. Может, и впрямь возвращается эпоха квадратных блинов в узком кругу? И настоящих перформансов, которые изящно назывались арт-артом, то есть "квартирным искусством"?

Дмитрий Ухов